

Л.А. Чибиров

ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ ОСЕТИНО-ИНГУШСКОГО КОНФЛИКТА. БЕСЛАНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ

Л.А. Чибиров*

Аннотация. В начальный период процесса урегулирования осетино-ингушского кровопролитного конфликта осени 1992 г., целым рядом нормативных актов федерального и регионального масштаба (особенно Беслановское соглашение) предусматривалось «к 1 декабря 1994 г. создать необходимые условия для возвращения всех беженцев». Однако процесс возвращения беженцев шло медленно, нередко блокировался, не выполнялись указы и постановления федеральных органов, на что имелись как объективные (низкая результативность действий правительственных структур, срывы сроков финансирования), так и субъективные (факторы морально-психологического характера) причины. В результате процесс возвращения беженцев и вынужденных переселенцев не завершился к сроку, более того, растянулся на годы и десятилетия.

Ключевые слова: Северная Осетия, Ингушетия, конфликт, беженцы, вынужденные переселенцы, Временная администрация, программа, комиссия, указ, постановление, президент, правительство, федеральный центр.

Возвращение беженцев и вынужденных переселенцев в места постоянного проживания на территориях Северной Осетии и Ингушетии стало одним из узловых и наиболее острых проблем постконфликтного урегулирования, к разрешению которой приступили федеральные и региональные власти.

С целью предотвращения дальнейшей эскалации противоборствующих сторон уже 2 ноября 1992 г. Указом Президента Российской Федерации на территории Северо-Осетинской ССР и Ингушской Республики был введен режим чрезвычайного положения, а в качестве особой формы управления на период чрезвычайной ситуации создавалась Временная администрация во главе с заместителем Председателя Правительства Российской Федерации Г.С. Хижа. Указ предусматривал целый каскад мероприятий по умиротворению конфликта, подчеркивалось неукоснительное исполнение всеми государственными и общественными органами приказов и распоряжений Временной администрации [1, с. 107–109].

За Указом последовало Постановление съезда народных депутатов Российской Федерации от 10.12.92 г. «О мерах по урегулированию вооруженного конфликта на территориях Северо-Осетинской ССР и Ингушской Республики» [1, с. 111–112], в котором самовольный захват территории и изменение границ Российской Федерации приравнивались к преступлению.

Следующим документом на пути урегулирования был Протокол о намерениях сторон, подписанный в г. Кисловодске 24 января 1993

г. главами правительств Ингушетии, Дагестана, Северной Осетии и Ставропольского края, послуживший предтечей полномасштабной встречи первых лиц перечисленных выше четырех субъектов Российской Федерации в том же городе 20 марта того же года.

В ходе встреч глав субъектов в Кисловодске проблема беженцев и вынужденных переселенцев из обеих республик была выделена в качестве первоочередной. В подписанном документе договаривающиеся стороны декларировали отказ от любых насильственных действий в разрешении спорных вопросов, выражали стремление к установлению мирных добрососедских отношений между двумя республиками, осуждали любые проявления национальной вражды, «включая вопросы обеспечения их безопасности, путем возвращения и расселения их в согласованных местах компактного проживания» [1, с. 121].

В порядке подготовки к кисловодской встрече, еще 6 марта 1994 г. состоялось заседание Верховного Совета Северо-Осетинской ССР, на котором были приняты конкретные предложения по разработке программы комплексного решения проблемы беженцев, вынужденных переселенцев и лиц, покинувших Северную Осетию [2]. В соответствующем документе Верховный Совет республики постановил приступить к расселению и обустройству беженцев всех категорий, находящихся на территории Северо-Осетинской ССР, и сформировать рабочую группу для подготовки к концу апреля 1993 г. республиканской программы комплексного решения проблемы

* Чибиров Людвиг Алексеевич – д. и. н., профессор, г. н. с. комплексного научно-исследовательского отдела при Президиуме ВНИЦ РАН (L.chidirov@mail.ru).

расселения беженцев и вынужденных переселенцев на территории Северной Осетии. Принятый документ, однако, содержал положение о невозможности совместного проживания с беженцами ингушской национальности, бывшими гражданами Северной Осетии, и их компактного размещения в новых населенных пунктах. Включая этот тезис в документ, его разработчики апеллировали к мнению трудовых коллективов, советов народных депутатов и их исполкомов, отражая, таким образом, настроения подавляющей части населения республики, еще не оправившегося от шока, вызванного кровавыми событиями последних месяцев. С другой стороны, подобная позиция руководства Северной Осетии, выраженная на первом этапе урегулирования конфликта, заметно тормозила сам процесс разрешения постконфликтной ситуации в целом, что особенно сказалось на кисловодской встрече руководителей республик. Тут же следует отметить: снять это условие Парламент Республики Северная Осетия-Алания считал возможным лишь в апреле 1997 г. [1, с. 156], а в принятом годом ранее постановлении Парламента РСО-А от 20 июня 1996 г. был отменен введенный в 1990 г. мораторий на прописку граждан, куплю-продажу жилых домов и других домостроений на правах личной собственности на территории Северной Осетии [1, с. 152–153].

Между тем спонтанное возвращение беженцев в места прежнего проживания началось уже до принятия каких-либо постановлений. К концу июля 1994 г. 6 463 беженца-осетины вернулись в места своего проживания. Остальные в количестве 2 582 человек не имели такой возможности из-за отсутствия средств на восстановление разрушенного жилья. В сел. Чермен, которое ближе всего находится к административной границе с Ингушетией, люди стали возвращаться уже в 1992 г., заселяя оставшиеся целыми дома и пытаясь собственными силами восстановить то, что было возможно. Самовольное заселениецелевших домов в ингушской части села медленно шло и в течение последующих лет. Естественно, большая часть вернувшихся сразу столкнулась с трудноразрешимыми бытовыми проблемами, обживая часто непригодные для этого помещения – здания школ, домов отдыха и пр. – или теснясь у родственников.

Реализация программы комплексного решения проблемы беженцев и вынужденных переселенцев требовала как правового обеспечения на федеральном уровне, так и колоссальных капиталовложений.

13 декабря 1993 г. Президентом РФ издается Указ о порядке возвращения в места постоянного проживания беженцев и вынужденных переселенцев на территории Северной Осети

и Ингушетии [1, с. 129]. Указом, во-первых, подтверждалась территориальная целостность Республики Северная Осетия; во-вторых, предписывалось осуществлять расселение беженцев и вынужденных переселенцев в местах их прежнего компактного проживания: населенных пунктах Пригородного района Чермен, Донгарон, Дачное, Куртат; в-третьих, Правительству РФ рекомендовалось принять необходимые меры по повышению эффективности работы Временной администрации на территориях соответствующих районов Республики Северная Осетия и Республики Ингушетия. Уже 30 декабря Президент РФ утверждает рабочий план с конкретными поручениями министерствам, в котором конечным сроком возвращения всех беженцев обозначена весна 1994 г. [1, с. 130–134].

В целях реализации Указов Президента РФ от 13 декабря 1993 г. и 30 мая 1994 г., согласно которому вводилось чрезвычайное положение на части территории Северной Осетии и Ингушской Республики, 26 июня 1994 г. в Беслане был утвержден «Порядок возвращения и расселения беженцев и вынужденных переселенцев в места их прежнего компактного проживания в населенных пунктах Чермен, Донгарон, Дачное, Куртат Пригородного района Республики Северная Осетия» [1, с. 126–128]. Свои подписи под документом поставили Президент Республики Северная Осетия А. Галазов, Президент Республики Ингушетия Р. Аушев, Глава Временной администрации В. Лозовой. Документ был разработан в соответствии с Рабочим планом конкретных действий, обсужденным на совещании руководителей республик, краев и областей Северного Кавказа в Нальчике 7 декабря 1993 г. и утвержденным Президентом РФ 30 декабря. Принятым в Беслане актом определялись порядок и этапы возвращения, а также подтверждались выработанные еще в Кисловодске основные принципы, на которых основывался процесс возвращения. Эти принципы заключались в следующем: добровольность возвращения; наличие документально подтвержденной прописки по состоянию на 31 октября 1992 г.; непричастность к совершению преступлений во время вооруженного столкновения.

Одним из приоритетных направлений работы по возвращению беженцев и вынужденных переселенцев на первом этапе этого процесса было обозначено восстановление социальной инфраструктуры в местах расселения беженцев с 1 июля 1994 г. при одновременном решении вопросов финансирования и выделения необходимых материальных средств. Утвержденным «Порядком...» обеим сторонам совместно с Временной администрацией предписывалось в срок до 5 июля 1994 г. разработать и утвердить

мероприятия и график возвращения и расселения беженцев и вынужденных переселенцев. Координация работ по возвращению беженцев и вынужденных переселенцев возлагалась на Временную администрацию, в структуре которой создавался специальный отдел по проблемам возвращения и расселения людей.

В соответствии с принятым документом были созданы согласительные комиссии, в функции которых входила выработка на основе процедуры примирения конкретных рекомендаций, оптимизирующих процесс возвращения беженцев всех категорий.

В действительности урегулирование постконфликтной ситуации и связанный с ним процесс возвращения беженцев на территорию Северной Осетии шли довольно медленными темпами, несмотря на настойчивые требования форсирования событий федеральными властными структурами. Указом Президента РФ от 30 мая 1994 г. руководству Северной Осетии и Ингушетии рекомендовалось уже до 15 июня представить согласованный порядок возвращения и расселения беженцев и вынужденных переселенцев и завершить этот процесс в определенные прежними правительственными постановлениями населенные пункты Северной Осетии уже к 31 июля того же года, а к 1 декабря создать необходимые условия для возвращения всех беженцев.

Однако список мероприятий по исполнению Указа Президента РФ Правительство утвердило лишь 9 марта 1994 г. [3]. О выплате же денежной компенсации вынужденным переселенцам, пострадавшим в результате осетино-ингушского конфликта, Правительство РФ распорядилось лишь в начале июля 1994 г. Распоряжением Правительства от 9 июля 1994 г. регламентировался порядок этих выплат, определялся размер компенсаций за утраченное имущество, он составлял 500 тыс. руб. на семью из 3 человек и дополнительно 100 тыс. руб. на каждого следующего члена семьи. На размещение десятков тысяч людей и восстановление разрушенного жилого комплекса и соответствующей инфраструктуры Правительством РФ выделялось 60 млрд руб.

Первые 20 млрд руб. из федерального бюджета, предназначенные на эти цели, поступили на счет Временной администрации только 23 июля, т. е. за неделю до срока, определенного Президентом РФ для возвращения жителей 4 сел. Во многом из-за срывов сроков финансирования процесс возвращения блокировался. Свою роль в этом сыграли и разноречивые позиции властей двух республик, исходивших из разных посылок. Разночтения возникли как по поводу самого порядка возвращения, так и условий его осуществления. Бесланским соглашением приоритет в строительном-восстанови-

тельных работах отдавался социально-бытовой инфраструктуре, людей же предусматривалось расселять на первых порах в сохранившиеся дома и временное жилье. В Ингушетии настаивали на немедленном возвращении беженцев, а первоначальное проведение восстановительных работ расценивали как способ затягивания решения основного вопроса. В качестве главных условий возвращения ингушей руководством Северной Осетии формулировались следующие позиции: официальный отказ Ингушской Республики от каких бы то ни было территориальных претензий, предварительный процесс примирения через согласительные комиссии, правовая оценка событий 1992 г. и наказание виновных [4]. Власти Ингушетии в свою очередь категорически отказывались рассматривать «территориальный» вопрос в качестве предварительного условия для возвращения людей в места их прежнего проживания в Северной Осетии [4]. Не затрагивался «территориальный вопрос» и в подписанном в Беслане документе, что можно было бы расценивать как значительный успех в урегулировании постконфликтной ситуации. В преамбуле документа подчеркивалось, что создание условий для комплексного решения проблемы беженцев и вынужденных переселенцев возможно при соблюдении принципов взаимного уважения, территориальной целостности республик и законопослушания.

Однако принципиально различающиеся позиции руководства республик по ключевым моментам возвращения людей на их прежнее местожительство в Северной Осетии не позволили разработать и утвердить согласованную программу действий, регулирующих этот процесс, в сроки, предусмотренные Бесланским соглашением, – до 5 июля 1993 г. Совместная работа по возвращению людей откладывалась на неопределенный срок.

Разработку плана восстановительных мероприятий и графика возвращения беженцев взяла на себя Временная администрация. Основываясь на решениях, принятых на рабочем заседании Смешанной комиссии по проблемам беженцев и вынужденных переселенцев [5, с. 30–33], Временная администрация 1–3 августа 1994 г. подготовила соответствующие документы [5, 38–43], которые, по мнению осетинской стороны, не во всем соотносились с пунктами Бесланского соглашения. Максимальные сроки строительно-восстановительных работ (водоснабжение, электроснабжение, газовые сети) определялись для каждого из населенных пунктов отдельно, а завершение всех видов восстановительных работ планировалось уже к 10 октября 1994 г. Графиком предусматривалось возвращение и расселение как в сохранившиеся, так и в разрушенные

и полуразрушенные домовладения 1 251 семья беженцев и вынужденных переселенцев, из которых 313 были осетинские, 938 – ингушские. При соблюдении установленного графиком порядка возвращения и расселения уже к концу сентября жители, покинувшие Чермен, Донгарон, Дачное и Куртат, смогли бы в них вернуться.

Рассмотрев предложенный Временной администрацией график и мероприятия по обеспечению возвращения беженцев и вынужденных переселенцев в 4 населенных пункта Пригородного района, власти Северной Осетии пришли к заключению, что эти документы, будучи в целом направлены на реализацию соответствующих указов Президента РФ и Кисловодского соглашения, по ряду важнейших положений противоречат принятому в Беслане соглашению. Так, осетинская сторона продолжала настаивать на обязательности процедуры примирения, которая рассматривалась в качестве главного и важнейшего условия возвращения беженцев и организации их нормальной жизни. Однако в предложенных документах это положение вообще отсутствовало. Не учитывался также и пункт Бесланского соглашения, предусматривавший первоочередное восстановление социально-бытовой инфраструктуры. Кроме того, в открытом письме на имя вице-преьера Правительства РФ С.М. Шахрая, федерального министра по делам национальностей и региональной политике Н.Д. Егорова, главы Временной администрации В.Д. Лозового Президент Северной Осетии А.Х. Галазов и глава Правительства Ю.Г. Бирагов настаивали на необходимости придерживаться договоренностей об организации восстановления жилья одновременно для осетин и ингушей на паритетных началах, что могло бы снять создавшееся напряжение [6]. Собственный план мероприятий, где предусматривалось комплексное решение проблемы беженцев и вынужденных переселенцев в Северной Осетии и Ингушетии, был подготовлен и представлен правительственной комиссией Республики Северная Осетия-Алания 14 июля 1994 г.

Реализовать план Временной администрации удалось лишь частично в отношении сел. Чермен. Силовое возвращение туда ингушских семей натолкнулось на жесткое противодействие осетинского населения, едва не приведя к новому витку эскалации конфликта в начале сентября 1994 г. Понимая меру ответственности перед своими народами, президенты Северной Осетии и Ингушетии, впервые в истории осетино-ингушских отношений, выступили с совместным заявлением, в котором выразили сожаление о трагедии, обрушившейся на их народы. В заявлении, подписанном в Беслане 24 сентября 1994 г., подчеркивалось, что добрососедские отношения

между Северной Осетией и Ингушетией являются жизненной необходимостью для мира на Кавказе и в России в целом. В этом документе был поставлен вопрос о продолжении диалога и заключении полномасштабного договора о дружбе и сотрудничестве между Республикой Северная Осетия и Республикой Ингушетия.

Позитивные сдвиги в отношениях с ингушской стороной побудили Правительство Республики Северная Осетия к принятию мер по организации выполнения «Порядка...», подписанного в Беслане 26 июня 1994 г. В протоколе заседания Правительства РСО было зафиксировано решение разработать график обследования разрушенных домовладений и подготовить списки жителей сел Куртат, Дачное, Донгарон и Чермен, как имеющих документально подтвержденную прописку, так и не имеющих ее. Здесь же говорилось о планируемом с 28 сентября восстановлении разрушенных жилых домов и социальной инфраструктуры [7]. Таким образом, акценты по-прежнему ставились на строительно-восстановительных работах в зоне конфликта. О незамедлительном возвращении беженцев речи не шло.

Сложившаяся на тот момент в Пригородном районе Северной Осетии ситуация стала предметом рассмотрения на Совете Федерации Федерального Собрания РФ, куда был направлен на утверждение очередной Указ Президента РФ от 3 октября 1994 г. (№ 1970) о продлении чрезвычайного положения в зоне осетино-ингушского конфликта. Главными причинами неурегулированности затянувшегося, по мнению Совета Федерации, конфликта были названы «низкая результативность деятельности государственных структур, невыполнение принятых ранее указов по нормализации жизни в регионе... Безнаказанность, породившая безответственность...» [8]. Для повышения эффективности управления ситуацией в зоне чрезвычайного положения Советом Федерации было предложено перенести оперативный штаб Временной администрации непосредственно в зону действия режима ЧП и привлечь к ответственности виновных за неисполнение правительственных распоряжений, направленных на нормализацию обстановки. Вопрос о персональной ответственности руководителей министерств и ведомств за выполнение решений Президента РФ и Правительства РФ поднимался и на заседании Правительства РФ в сентябре 1994 г. [9]. Чтобы нормализовать и форсировать выполнение принятых ранее соответствующих постановлений, Минфину и МЧС РФ рекомендовалось принять меры к погашению задолженности, образовавшейся по стройкам и объектам в зоне чрезвычайного положения. Кроме того, Миннацу РФ, совместно с Времен-

ной администрацией, предписывалось в двухнедельный срок внести предложения по изменению персонального состава Межведомственной комиссии по ликвидации последствий осетино-ингушского конфликта. Комиссии, созданной распоряжением Правительства РФ от 29 ноября 1993 г., в свою очередь, следовало незамедлительно приступить к координации действий министерств и ведомств РФ, РСО и ИР в ходе урегулирования осетино-ингушского конфликта.

Новый состав Межведомственной комиссии и Положение о ее деятельности были утверждены правительственным распоряжением уже 17 ноября 1994 г. Председателем комиссии назначался глава Временной администрации.

Благодаря вмешательству федеральных властей в процесс постконфликтного урегулирования работа заметно оживилась. Уже с октября начали проходить совместные рабочие совещания Правительства Северной Осетии и Совета Временной администрации, на которых рассматривались вопросы, связанные с процессом возвращения людей и ходом ремонтно-восстановительных работ. На этих же совещаниях обсуждались проблемы создания нормального морально-психологического климата и организации процесса примирения. Наиболее эффективными в таких случаях могли оказаться конструктивные возможности народной дипломатии [10].

Ход урегулирования последствий конфликта, наконец, приобрел свою внутреннюю динамику. До 25 октября 1994 г. возвращение беженцев и вынужденных переселенцев ингушской национальности осуществлялось только в с. Чермен. С 1 августа по 6 сентября туда было возвращено 79 семей. Из-за непредоставления списков Правительством РСО возвращение беженцев и вынужденных переселенцев было приостановлено с 6 сентября по 21 октября. В соответствии с планом в октябре предполагалось возвращение 52 семей. Правительство Республики Ингушетия представило к возвращению, а Временная администрация возвратила 12 семей. Таким образом, по вине ингушского правительства не было возвращено 40 семей. В ноябре при плане в 20 семей ежедневно (т. е. 197 семей по состоянию на 17 ноября 1994 г.) Временная администрация возвратила только 85 семей, остальные не вернулись по вине Республики Ингушетия.

В ноябре 1994 г. по спискам, представленным Правительством РСО, стали возвращать семьи беженцев и в другие населенные пункты.

Таковы были нездоровая политическая атмосфера и первые шаги центрального и регионального властей по ликвидации последствий осетино-ингушского конфликта. Федеральными и региональными органами власти принимались нормативные документы, создавались временные структуры власти, обговаривались сроки ликвидации последствий кровопролитного конфликта. Однако урегулирование шло медленно, с большими трудностями, срывались намеченные сроки. Причин к тому было немало: ошибки, допущенные центральной властью, неполнота межнациональной атмосферы, недостаточная финансовая обеспеченность намеченных мероприятий и др. Однако главнейшей среди причин оставалась сохранившаяся межнациональная напряженность, психологическая неподготовленность осетинского населения жить по соседству со вчерашними недругами. Ведь известно: там, где проливается кровь, легких переговоров не бывает. На стыке столетий темпы урегулирования ничуть не ускорились, оставались вялотекущими.

Подведем итог. В начальный период процесса урегулирования осетино-ингушского кровопролитного конфликта осени 1992 г. целым рядом нормативных актов федерального и регионального масштаба предусматривалось создание к декабрю 1994 г. необходимых условий для возвращения всех беженцев. Однако процесс возвращения беженцев шел медленно, графики срывались, нередко блокировались, не выполнялись указы и постановления федеральных органов, на что имелись как объективные (низкая результативность действий правительственных структур, срывы сроков финансирования), так и субъективные (факторы морально-психологического характера) причины. В результате процесс возвращения беженцев и вынужденных переселенцев не завершился к сроку.

Новые подвижки в затянувшемся процессе урегулирования осетино-ингушского конфликта, до сих пор окончательно неурегулированного, связаны с приходом к власти в начале XXI столетия нового президента Российской Федерации В.В. Путина. Но это тема отдельного разговора.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Республика Северная Осетия-Алания. Пригородный район: выбор цели? Сборник документально-исторических документов.* – Владикавказ, 1997.
2. *Постановление Верховного Совета Северо-Осетинской ССР «О программе комплексного решения проблемы беженцев, вынужденных переселенцев и лиц, покинувших территорию Северной Осетии» от 6 марта 1993 г. № 84.*

3. *Постановление Правительства Российской Федерации от 9 марта 1994 г. № 185.*
4. *Докладная записка Президенту РФ министра по делам национальностей и религиозной политике Н. Егорова от 15.06.94 г., информационная записка главы Временной администрации на части территории РСО и ИР В.Д. Лозового секретарю Совета Безопасности РФ О.И. Лобову от*

30.06.94 г. (см.: <http://www.memo.ru> Через два года после войны: Проблема вынужденных переселенцев в зоне осетино-ингушского конфликта. Раздел 7).

5. **Протокол** рабочего заседания председателя и сопредседателей Смешанной комиссии по проблемам беженцев и вынужденных переселенцев от 28 июня 1994 г. // Путь к примирению.

6. **Газета** «Северная Осетия» от 9 августа 1994 г.

7. **Протокол** заседания Президиума правительства Республики Северная Осетия от 26 сентября 1994 г.

8. **Постановление** СФ ФС РФ «Об утверждении Указа Президента Российской Федерации от 3 октября 1994 г. № 1970». 7 октября 1994 г. № 215-1.

9. **Постановление** Правительства Российской Федерации от 8 сентября 1994 г. № 1031.

10. **Протоколы** рабочих совещаний Правительства Республики Северная Осетия и Совета Временной администрации // Путь к примирению. С. 90–98.

THE FIRST STEPS OF SETTLEMENT OF THE OSSETIAN-INGUSH CONFLICT. THE BESLAN AGREEMENT

L.A. Chibirov

Dr. Vladikavkaz scientific center of the Russian academy of sciences, Vladikavkaz (L.chibiroff@mail.ru)

Abstract. In an initial stage of process of settlement of the Ossetian-Ingush bloody conflict of fall of 1992, a number of regulations of federal and regional scale (especially Beslan agreement) provided «to create by December 1, 1994 necessary conditions for return of all refugees». However process of return of refugees went slowly, it was quite often blocked, decrees and resolutions of federal bodies weren't carried out, on what there were as objective (low productivity of actions of government structures, financing failures to meet time constraints), and subjective (factors of moral and psychological character) reasons. As a result, process of return of refugees and displaced persons didn't come to the end to term, moreover, lasted for years and decades.

Keywords: North Ossetia. Ingushetia. Conflict. Refugees. Displaced persons. Temporary administration. Program. Commission. Decree. Resolution. President. Government. Federal center.

REFERENCES

1. Republic Northern Ossetia-Alania. Suburb: purpose choice? Collection of documentary and historical documents. – Vladikavkaz, 1997.

2. The resolution of the Supreme Council North Ossetian the Soviet Socialist Republic «About the program of a complex solution of the problem of the refugees, displaced persons and persons who left the territory of North Ossetia» on March 6, 1993, № 84.

3. The resolution of the government of the Russian Federation of March 9, 1994, № 185.

4. The report to the Russian President of the minister of affairs of nationalities and religious policy of N. Egorov of 15.06.94, information note of the head of Temporary administration on part of the territory of RSO and IR V.D. Lozovy to the Secretary of the Security Council of the Russian Federation O. I. Lobov of 30.06.94 (see: <http://www.memo.ru> In two years after war: A problem of displaced persons in a zone of the Ossetian-Ingush conflict. Section 7).

5. The protocol of a working meeting of the chairman and cochairmen of the Mixed commission on problems of refugees and displaced persons of June 28, 1994 // Way to reconciliation.

6. To the North Ossetia newspaper of August 9, 1994.

7. The minutes of Presidium of the government of the Republic of North Ossetia of September 26, 1994.

8. The resolution of Council of Federation of Federal Assembly of the Russian Federation «About the adoption of the Decree of the President of the Russian Federation of October 3, 1994, № 1970, 7 of October, 1994, № 215-1.

9. The resolution of the government of the Russian Federation of September 8, 1994 г. №103.1

10. Protocols of working meetings of the Government of the Republic of North Ossetia and Council of Temporary administration // Way to reconciliation of Page 90–98.

